

Женщина в ярости подскочила, подхватила ребенка и принялась причитать:

— Ой, внучок мой сладенький, больно тебе?

— Бабушка! Он меня ударил! — Завыл сорванец, ябедничая.

Бабуля выглядела моложаво для своих лет, и не скажешь, что у нее уже такой большой внук.

Прижимая к себе внука, она, не разбираясь, принялась сыпать оскорблениями:

— Средь бела дня взрослого на маленького! Подонок, сердце у тебя черное!

Ай Люи холодно хмыкнул. Сначала вежливость, потом кулаки – так что он начал с аргументов:

— Вы сначала разберитесь. Ваш внук первым задрал юбку моей сестре! Это он тут подонок и хулиган!

Дама с невозмутимым видом заголосила еще громче:

— Да сколько моему внуку лет, какой еще хулиган! Он дитя неразумное, а ты взрослый человек и не понимаешь! Ребенка бить...

Ай Люи перебил её:

— Если неразумный – воспитывайте! Каков в семь лет, таков и в семьдесят! Сегодня он юбки задирает, а вырастет – насильником станет! Не будете учить вы – научат другие!

— А-а-а-а! — Закричала женщина от ярости. — Сам ты насильник! А девка эта твоя... в такие годы и вырядилась как расфуфыренная...

«Дзынь!», – стакан с силой грохнулся об пол, обрывая тираду.

Люй Яньсю ледяным взглядом сверлил женщину:

— Еще одно слово, и в следующий раз полетит не стакан.

Женщина открыла рот, вся дрожа от гнева:

— Ладно, ладно... Еще и руки распускать вздумал! Ты хоть знаешь, кто я?! Полицию! Официант, зови полицию, я вас всех под расстрел подведу!

Официанты уже привели менеджера. Тот попытался вмешаться:

— Ой, ну что вы, из-за такой мелочи полицию звать не стоит. Госпожа Лю, гнев вреден для здоровья. Посмотрите, сколько людей смотрят, скандал же... Давайте я вас угощу за счет заведения, и на этом закончим?

Госпожа Лю огляделась – действительно, все посетители пялились на них. Но спесь не унялась:

— Только если они на колени встанут перед моим внуком и извинятся! Иначе я их в тюрьме сгною!

Ай Люи усмехнулся:

— Опять колени. Это вашему внуку пора на колени вставать перед моей сестрой!

Лицо госпожи Лю позеленело, она зашлась в истерике:

— А-а-а! Подонки! Боже мой, детей бьют, стариков запугивают, еще и извиняться не хотят!

Менеджер поспешно схватил Ай Люи за руку и зашептал:

— Парень, тебе такие проблемы не нужны, извинись ты, и дело с концом.

Люй Яньсю заслонил Ай Люи собой и сказал ему:

— Помоги Эрье и дедушке вернуться в больницу, я сам разберусь.

Сказав это, он подхватил Эрью и впихнул её в руки Ай Люи.

— Сынок, у Яньсю есть опыт, уходи со мной, — дедушка Люй с силой потянул Ай Люи за собой.

Ай Люи и не думал уходить. Он отступил на пару шагов:

— Пусть вызывает полицию! Тут полно свидетелей, я прав! И полиции я не боюсь.

Раз Ай Люи не уходил, госпожа Лю тоже не собиралась его отпускать:

— Никто никуда не уйдет! Забоялись — так извиняйтесь, а нет — мой сын вам это так не спустит за то, что женщин и детей обижаете!

Люй Яньсю, стоя перед Ай Люи, глухо произнес:

— Я могу извиниться...

— Не надо! — Внезапно всхлипывающая Эрья разразилась громким плачем. — Не надо брату извиняться! Это Эрья плохая, мальчику просто стало интересно, мальчик я или девочка.

— Просто Эрья заболела, поэтому её побрили налысо.

— Эрья каждый день в больничном ходит, это Эрья первый раз надела юбку, поэтому Эрье стало жалко юбочку. Это Эрья во всём виновата, не надо было мне болеть.

— Брат просто испугался, что Эрья расстроится и ей станет хуже. Это Эрья не должна была заболеть лейкемией, у-у-у, Эрья сама извинится, у-у-у...

— Эрья... — Люй Яньсю погладил девочку по голове, его глаза покраснели. — Тетушка, мой брат просто испугался, что ваш внук напугает сестру, а если ей станет хуже...

Говорил он негромко, но так, чтобы слышал весь ресторан. В зале воцарилась гробовая тишина.

— Старая карга! — Ай Люи нарушил тишину, едва сдерживая желание врезать ей.

— Так ведь напротив — народная больница... — раздался шепот из толпы зевак.

— Господи, так ребенок лысый из-за этого!

— А эта бабка её еще и... Да у меня язык не поворачивается повторить!

— Чистое проклятие, так людей доводить.

— Что это за бабка такая, совсем совести нет.

Стоило одному начать, как по залу пошел гул осуждающих голосов.

Лицо госпожи Лю то бледнело, то краснело. Менеджер улучил момент:

— Хорошо еще, что вы свое имя не назвали. Лучше замять это дело, госпожа.

— Я... — в голове госпожи Лю проносились разные мысли. Она долго молчала, пока ропот вокруг становился всё громче.

Наконец она выдавила улыбку, хотя слова давались ей с трудом:

— Это... я была неправа, погорячилась. Я оплачу ваш обед, и вот еще что.

Она схватила троих сорванцов, отвесила каждому по подзатыльнику и рявкнула:

— Вы трое! Живо извинились перед девочкой!

— Извини, у-у-у.

— Прости.

Дети извинялись сквозь слезы.

— Впредь не задирайте девочкам юбки, не смейтесь над больными и не пытайтесь выкрутиться, когда виноваты.

Люй Яньсю еще раз, четко выговаривая каждое слово, подытожил их поступок.

Закончив, он первым вышел из ресторана, а дедушка Люй с Ай Люи последовали за ним.

Выйдя на улицу, Ай Люи всё еще кипел от негодования. Со сжатым сердцем он хотел было утешить Эрю, но наткнулся на её сияющие, как полумесяцы, глаза и сразу всё понял.

— Брат Люи, я нарочно плакала.

— Брат говорил: болезнь - это то, чего не избежать, но нужно научиться принимать её. Нельзя позволять ей ранить не только тело, но и сердце.

— В мире много сострадательных людей. В нужный момент можно использовать эту слабость как щит для защиты.

Это что же, ребенка учили «торговать горем»? Ай Люи покосился на Люй Яньсю и недовольно пихнул его кулаком:

— Метод, конечно, рабочий, но зачем? Надо было её додавить! Мы же правы, нечего было пасовать!

Дедушка Люй, едва сдерживая смехок, произнес:

— Сынок, знаешь ли, у нас в деревне один парень пару лет назад поехал на заработки. Забыл продлить прописку всего на один день, и его схватили... О том, что было дальше, в деревне предпочитали молчать.

— Сейчас времена получше, но мало ли? Яньсю не бабку ту испугался. Важно было, чтобы все вокруг вслух признали: мы не виноваты.

— Подумай сам, почему та женщина так вцепилась в то, что мы якобы побили ребенка? Она пыталась навесить на нас статью.

Ай Люи слушал, понимая лишь наполовину. В прошлой жизни он знал только стихийные бедствия, а после универа, еще не найдя работу, получил Систему и умер. Он и понятия не имел о «социальных побоях», а мрачные истории видел только в Доуинь. Ему было трудно осознать: неужели из-за такой мелочи можно лишиться жизни?

Неужели их правда могли арестовать сегодня?

На душе у Ай Люи стало паршиво. Он оставил Люй Яньсю десять тысяч юаней и с кислым лицом поймал мототакси до дома.

А дома, едва он переступил порог левой ногой, за ним погнался Ай Тяньли с веником.

— Ах ты щенок! Где ты шляется всю ночь?! Вся семья тебя к праздничному ужину ждала, а ты пропал! Нравится по бабам шастать? Завтра же пойдешь на свидание вслепую!

— Чего?!

<http://bllate.org/book/18076/1733468>